Владимир Васильевич

Родители

Он родился 2 июля 1909 года в Нижнем Новгороде. Отец - Василий Лебедев был инженером-путейцем. Мать - Анна Кавен по происхождению была то ли немкой, то ли поморкой, получила домашнее, можно сказать, аристократическое воспитание, которое она демонстрировала даже в такие времена, когда его афишировать было просто несгорожно.

Маленькому Володе было всего несколько месяцев от роду, когда его родители перебрались в Киев, где и прошло его детство. Жизнь у родителей не заладилась. Василий Лебедев был хороший, добрый человек, но страдал весьма русской болезнью - он пил. Может быть, именно поэтому Владимир Васильевич до конца дней своих был абсолютным трезвенником. Запойные приступы Лебедева-старшего привели в конце концов к тому, что Анна Ивановна ушла от него и уехала на родину - в Нижний Новгород. Володе тогда исполнилось 11 лет.

Вскоре его мама познакомилась с инженером-строителем Василием Осиповичем Сергиенко и вышла за него. Так Володя с 1920 года навсегда связал свою судьбу с Нижним Новгородом.

Отчим относился к Володе прекрасно и стал ему настоящим отцом и другом.

Юность

Школу Володя окончил с отличными отметками и совершенно естественно захотел продолжить свое образование в высшем учебном заведении. Не тут-то было. В те времена для поступления в вуз требовалось пролетарское происхождение. Мешают бухгалтер, ремесленники и проч.) советскими идеологами в пролетариях не числились, но все же по их понятиям были более приближенными к нему. Старая интеллигенция относилась к «нетрудовым» сословиям. Эксплуататоры, одним словом.

Владимир происходил из «старорежимных» интеллигентов. Поэтому для официальных анкет он выбрал осторожное - «из мещан». Но и это не было панацеей, и когда Владимир принес свои документы в Нижегородский индустриальный институт, ему популярно объяснили, что до поступления в вуз ему надлежит себе заработать рабочий стаж, чтобы доказать свою, так сказать, пролетарскость. Здесь, в приемной индустриального института, Владимир повстречался с двумя парнями, и этой ройке суждено было совместно прошагать затем всю жизнь.

Один из этих молодых людей был Эдуард Руббах. Другой - Куэьма Меркин. Оба они, как и Лебедев, писали себе «из мещан». Но если Руббаху - сыну кантониста - это определение еще кое-как подходило, то Куэьма и вовсе-то был внуком купца-миллионера.

Получив «отлуп» от института, подружившаяся троица посовещалась и отправилась искать подходящую пролетарскую работу. Меркин и Руббах решили, что более пролетарскую, чем работа ассенизатора, им не сыскать. Произошел курьез: «миллионер» Меркин принялся в золотую роту, а мещанина Руббаха - нет. Впоследствии друзья над ним по любому поводу насмехались:

- Да что с тебя взять! Тебя же, недотепу, даже в золотари не взяли.

Что же касается Лебедева, то он ассенизационным путем не пошел, а устроился слесарем в артель «Металлообработка». Очень скоро способного и рукастого слесаря назначили бригадиром на сборке замков.

Итак, друзья разными способами заработали себе рабочий стаж и в 1931 году поступили в Нижегородский индустриальный (позже - политехнический) институт, на химико-технологический факультет.

Меркины

Подружившись с Куэьмой Меркиным, Лебедев стал вхож в дом его семьи. Поскольку эта семья стала ему впоследствии родной, будет уместно уделить им в этом жизнеописании определенное внимание. Дед Куэьмы - Куэьма-старший - при рождении внука положил в банк на его имя несметную сумму: говорили тогда, рублей. Деньги было так. Дед сказал своей снохе:

- Роди мне внука, назови его моим именем, и я его при рождении сделаю миллионером.

Сноха решительно воспротивилась этому плану:

- Ты что же хочешь, чтоб меня всю жизнь называли кузькиной матерью?! Ну, уж нет! Не-а-что!

Но родился мальчик, и выпало ему по святцам быть именно Куэьмой. Тут уж ничего не поделешь, младенца назвали именем деда, а дед, как обещал, сделал его миллионщиком. Впрочем, после революции от миллиона осталась только на эта бумажка, и теперь Меркины жили достаточно скромно. Когда-то семья занимала весь огромный двухэтажный особняк, но с описываемым годами бывших буржуев заметно поскотнели.

Дом этот принимал Владимира не только другом Куэьмой. Был еще один предмет притяжения: у Куэьмы была сестра Лиза. Молодые люди понравились друг другу, и дело постепенно дошло до предложения руки и сердца. А надо сказать, что в доме Меркиных спиртного не курагось. Нельзяшки Лебедев здесь выглядел белой вороной.

- Не-а! Лизку мы тебе не отдадим. Ты и не мерзкий, но что это за мужик такой русский, водку не пьющий? Так что, брат, к Лизке руки не тянки.

Все это говорилось, конечно, в шутку, и пришлось Меркиным смириться с нельзяшкой зятем.

Елизавета и Владимир поженились, будучи студентами. Владимир не счел возможным сесть на хлебником на шею родителям. Он учился (как всегда, на отлично) и продолжал приобретать в артели «Металлообработка», давшей ему рабочий стаж и путевку в вуз. Бывшего слесаря этой артели в 1937 году сделали в ней плановиком. В молодые годы Лебедевы всегда были стесненны в средствах, и Владимир Васильевич после окончания института продолжал работать в двух местах: в артели «Металлообработка» (Горький) и на Чернореченском химзаводе (Дзержинск). Уже то, что он успевал поворачиваться в таком положении, говорит само по себе о способностях Владимира Васильевича.

Жизнь на колесах

Вся троица - Лебедев, Меркин, Руббах - и примкнувшая к ним из них был фосген. Лебедева назначают технруком (технологом) цеха по производству фосгена. Едва Горький-Дзержинск-Горький прекратилась.

Теперь все инженеры находились на казарменном положении при заводе. В Горь кий Владимир Васильевич выбирался только на воскресенье, да и то, когда позволяли производственные обстоятельства. Работу в артели «Металлообработка» приходилось оставить. Во-первых, Лебедев лишился возможности сам бывать, и, кроме того, деньги потеряли всякий смысл: чтобы выжить, нужны были не деньги, а карточки. Только на них можно было достать продукты питания, а иногда и вещи. А на такой минимум хватало и заводской зарплаты.

Вообще, жизнь людей во время войны - на фронте и в тылу - была какой-то нервальной, дикой, с точки зрения мирной, и подчинялась одной-единственной цели: все для фронта, все для победы. Переживанием этого пиклотеье порой трудно самим себе объяснить, как они преодолели это время. Среди тех, кто его с честью одолел, был и Владимир Васильевич Лебедев.

После победы

Добытый в тяжких испытаниях мир требовал демилитаризации экономики, тотально настроенной на войну. Понадобилось производства, выпускающие цивильную продукцию. Это новое положение в равной степени относилось и к химической промышленности. В том числе к Чернореченскому заводу. Любое производство, как известно, начинается с проекта. В то время единственным проектным институтом азотной промышленности был московский ГИАП. Но и него было не пробиться: на многие годы вперед он был загружен заказами. В то же время производственно-конструкторский отдел (ПКО) завода накопил солидный опыт проектирования сложных установок. Вот ПКО завода в основном и легла задача разработки проектных новых производств.

Для укрепления отдела в 1946 году Лебедева назначают главным технологом ПКО и заместителем начальника. С этого момента начинается проектная карьера нашего героя, которой он отдал затем всю свою оставшуюся жизнь. Под техническим руководством Лебедева на заводе в конце 40-х годов был разработан и реконструирован ряд цехов.

Послевоенная жизнь постепенно налаживалась. Лебедев снова стал ездить в Горький, получил возможность больше уделять времени семье и своим увлечениям. А начало 50-х годов это был уже зрелый человек, сложившийся специалист, отец семейства. Ему тогда было чуть-больше сорока лет, и казалось, что жизнь уже сделана.

Основание филиала ГИАП

Все, что до сих пор говорилось о Владимире Васильевиче, было, собственно говоря, увертюрой к его главному делу. Обычно люди, даже очень способные, к пятому десятку готовятся подводить итоги. Но творческая судьба Лебедева к началу его пятого десятилетия только-только стала раскручиваться.

В начале 50-х годов было решено образовать в Дзержинске филиал ГИАП. Идея принадлежала директору центрального ГИАПа (Москва) Н.А. Симулину. 31 октября 1952 года эта идея была реализована. Директором новой проектной организации был назначен И.Г. Португальцев, а главным инженером - В. В. Лебедев. Эти отцы-основатели нового института прекрасно дополняли друг друга. Португальцев был силен в организационных делах. Лебедев, как уже сказано выше, был к этому времени большим докой по части техники и химической технологии. Он прошел великолепную школу: конструирование, работа с опытными установками, производственная практика в сложных цехах, комплексное проектирование технологических установок. Этот опыт в сочетании с его огромной технической эрудицией и сделал его истинным ГЛАВНЫМ инженером нового института. Эту высокую планку и свой технический авторитет Лебедев удержал до конца своей производственной деятельности и даже после ее завершения.

Главный инженер

Организационное становление филиала шло параллельно с решением ряда крупных народнохозяйственных задач. Самой важной из них было создание новой отрасли - производств мочевины (карбамида). Лебедев взял на себя непосредственное техническое руководство этой проблемой. С 1954 года его главным напарником в решении этой грандиозной задачи становится Н. А. Гольдберг.

На Лебедеве лежало еще и воспитание кадров. Кадровый состав нового института был в основном молодежным - только-только из института. Сделать из такого материала настоящих асов проектирования и знатоков конкретной технологии - задача не из простых. Лебедев с этой задачей справился блестяще (он со всем справлялся блестяще). Коротко сказать, мэтр создал целую научно-техническую школу.

Воспитание коллектива главный инженер проводил весьма своеобразно. Ну, конечно, на первом месте была учеба в ходе производственной деятельности. Так сказать, передача опыта и знаний. Но не только. Любитель купания (до 70 лет от роду вода с температурой 10-11 градусов не считалась для него холодной), он в обеденный перерыв подгонял служебный автобус и вез пропотевшихся на Оку. На реке шалил, заводил всю молодую братию, сыпал шутками, учинял розыгрыши. А то затеет волейбольный матч, где показывал себя азартным и умелым игроком, ничем не уступая своим 20-25-летним коллегам. Много времени уделял организации художественной самодеятельности в институте: писал для вечеров стихи, оценарии, сам участвовал в концертах. Устраивал под праздники в филиале вечера с танцами и буфетом. Многие домогались выпить со своим главным инженером, но тут уж ничего не получалось: Лебедев, как мы уже знаем, не пил спиртного ни-кот-да. Все эти затеи, разумеется, сплачивали коллектив, создавали в нем непринужденность отношений, доверительность, дух товарищества и корпоративности.

Лебедева не только любили - его обожали. Между тем он умел и накричать. В нем иногда не проявлялся синдром начальника, но глупость, неразумность, просчеты вызывали его гнев, и он его не сдерживал. Лицо его при этом менялось, наливалось краской, голос был высок и повелителен, и тогда по филиалу разносился уже не знаменитый Лебедевский хохот, а фальцет глубоко возмущенного человека. Его крик не воспринималсяругаемым как окрик начальника, а только в качестве исконного возмущения порядочного человека. С той же экспрессией он мог обругать и своего директора Португальцева, и начальников повыше. Несмотря на эти вспышки, его все равно обожали.

Директор

В 1959 году Португальцева забирают в Москву. Встает вопрос о новом директоре. Естественная кандидатура - Лебедев. Но эта должность Владимира Васильевича не прельщала. Он был прирожденным главным инженером, ощущал себя в технике, как рыба в воде, а организаторская, хозяйственная деятельность его не привлекала. Словом, Лебедев довольно долго и упорно сопротивлялся этому назначению. Преодолели его хитростью:

- Не хочешь быть директором? Хорошо. Мы тебе поставим NN.

А был этот NN по менталитету самым настоящим начальником, властным, отчасти самодуром и не Бог весть каким образованным.

- Нет уж, нет уж! - сказал Лебедев. - Этот вам наруководит! Пусть по мной походит. Такой деятель весь коллектив развалит.

Так Лебедев принял пост директора. Главным инженером по его представлению назначили давнего приятеля со студенческих времен, коллегу по ежедневным поездкам Горький-Дзержинск-Горький прекрасного технолога Ю. Г. Ардашева. Но Лебедев, заняв директорский кабинет, не отошел от технического руководства институтом. Он фактически оставался главным инженером по существу. Просто он дополнительно взвалил на себя еще и директорские обязанности. Ардашеву и в голову не приходило возражать против такого положения вещей: он, как и все, всегда признавал главенство Лебедева в технических вопросах.

Как директор, Лебедев продолжал дело, начатое Португальцевым, - строился, расширялся, укреплял лидерство филиала за его пределами, добывал заказы и финансы. При директоре Лебедеве закончилось строительство известного всем здания института на улице Грибоедова, 31.

Состоялось великое переселение и резкое увеличение численности сотрудников. Строились жилые. Были начаты работы по возведению второго производственного корпуса, благоустроен и озеленен двор. Став директором, Лебедев никоим-то не изменил манеры своего обращения с подчиненными. Он оставался всегда доступным, шутливым в своих резолюциях, даже где-то озорным. Он, конечно, немного поосуждает, но на то директорского поста, а по возрасту так-наки пришло пятидесятилетие. На технических советах и совещаниях с ним обращались, как с равным, позволяли себе касательно него шутливые вольности, но все равно перешутить Лебедева не было дано никому.

За многие годы вокруг Лебедева образовался своеобразный институтский фольклор. Пересказать все эти байки не хватит всего данного газетного номера. Чтобы показать всю неформальность взаимоотношений директора Лебедева с сотрудниками, приведу для примера одну их них.

Автор этих строк, тогда главный инженер проекта, руководил в Кировакане (Армения) пуском производства меламина. Это был уникальный проект: впервые в мире филиал осуществил непрерывный способ его получения.

Это был настоящий прорыв, специалисты разных стран были восхищены этим результатом. Но пуск и освоение производства шли далеко не гладко. Пришлось-таки помучиться прежде чем дело наладилось. По итогам пусковых работ я написал отчет. Бумага была составлена, как настоящая, в ней были указаны параметры процесса, просчеты проектировщиков, удачные решения, но написана она была... в стихах. Отчет я напечатал, переплел, придал ему всамделишную внешнюю форму и через секретаря подал Лебедеву. Очень вскоре из директорского кабинета донесся легендарный Лебедевский хохот, а часа через два «отчет» мне был возвращен. На титульном листе стояла следующая резолюция:

«Отчет могу я утвердить,
но должен Вас предупредить,
что он местом и неточен,
и мне сомнительностью много очень,
и служит он плохим примером
всем нашим главным инженерам.
Утверждаю. В.В. Лебедев»

Этот отчет с лебедевской резолюцией я храню вот уж более 40 лет как самую дорогую реликвию.

Лебедев дома

Став директором, достигнув 50-летия, Владимир Васильевич уже больше не мог ежедневно мотаться по маршруту Горький-Дзержинск-Горький. Ему приходилось часто задерживаться на работе, все чаще он оставался ночевать у старого друга и: шурина Куэьмы Меркина (тот уже давно обосновался в Дзержинске).

На исходе 50-х годов Лебедевы дали квартиру в доме № 65 по проспекту Ленина. Вся семья переехала в новый город, и мы получили возможность заглядывать к нему домой. Дом Лебедевых отличался от всякого русским гостеприимством. Заглянешь сюда по пустяковому и минутному делу, а приятно застрянешь на часок. Прежде всего Елизавета Александровна усадит вас за стол, и отнекаться было никак нельзя. Если время было обеденное, предлагалось отобедать. Самая минимальная программа - приглашение выкушать чаю. Но, не посидев за столом, покинуть этот дом вы не могли. Да и не хотели, если честно сказать. Уж больно хорошо было у Лебедевых. Вам начинали демонстрировать лебедевские диковины.

Тут, пожалуй, пришло время рассказать хотя бы коротко об увлечениях Владимира Васильевича. Самое известное из них- коллекционирование бабочек и прочих насекомых. Еще десятилетним мальчиком в Киеве он случайно увидел бой двух жуков-оленей, самцов. Этот существа поразили его воображение. Его отец поощрил этот интерес, нахутил сыну разных сачков, приспособлений для коллекционирования, литературу по энтомологии. Так родилась одна из лучших в полных коллекций России. Описывать ее здесь нет никакой возможности, хотя такой многоопытный руководитель и государственный человек отлично сгодиться с директорством в институте. Короче, он согласился. Анатолий Александрович действительно оправдал все возложенные на него надежды. Он был прекрасным директором.

А Лебедеву создали специальную Вот кузнечик ест травинку. Вот стрекоза пожирает какую-то букашку. Вот какой-то жучок сидит на листочке и пьет капельку росы. И так далее. Образовалась целая коллекция таких снимков, рассматривать которые - истинное наслаждение. Шкафы были забиты интересными книгами и вырезками из газет и журналов. У Лебедевых было одна из обширнейших лично-семейных библиотек в городе. Широта его интересов была огромной. Он мог часами рассуждать о кинематографе, и у него всегда можно было получить необходимую вам справку.

И в любое время у Лебедевых жило какое-то животное. Подчас и не одно. Сиамский кот, говорный и сильно ревновавший своих хозяев. Голубой дог-красавец, грозный с виду и добродушнейший по нраву. Черепахи. Помнится, были и перчатки. Часто сотрудники заглядывали к Лебедевым со своими детишками, которым Лебедев охотно демонстрировал свои диковины. Побывать в этом доме было все равно, что побывать на празднике. И это сохранилось до тех пор, пока были живы его хозяева. Дожить до золотой свадьбы считается выдающимся достижением. Елизавета Александровна и Владимир Васильевич прожили вместе 66 лет!

Лебедев за границей

Сегодня поездка за рубеж - рутинное дело. Есть деньги? Отличной! Покупай паспорт, позаботься о визе, приобретай билет и - вперед. В описываемые времена заграничный вояж был выдающимся событием. Косточки кандидата тщательно перемывали в партоме, месткоме, министерстве, КГБ и еще Бог знает где. Особенно если речь шла о поездке в самое логово капитализма. Лебедев не был идеальной кандидатурой из-за своего происхождения «из мещан» и независимости в суждениях. Но он был Богом отмеченным профессионалом, лучше его решить задачу за рубежом никто не мог, и перемывателям косточек, скрепя пеньем и душой, давали сомнительному Лебедеву добро.

В одной из своих поездок в США советский лидер Никита Сергеевич Хрущев встретился с г-ном Гарстом. Этот Гарст был крупным фермером и капиталистом, разводил кукурузу, применяя в качестве удобрения мочевину. У него даже был собственный завод по ее получению. Хозяйство Гарста содержалось в образцовом порядке и приносило ему миллионные доходы. На Хрущева это предприятие да и сам его хозяин произвели большое впечатление. Лидер-романтик решил, что кукуруза может решить наконец-вековую проблему СССР. Гарст предложил Хрущеву прислать ему специалистов, и он им продемонстрирует все свои достижения. Вернувшись из поездки, Хрущев повелел снарядить к Гарсту солидную делегацию из аграриев и специалистов по части мочевины. А кто в СССР лучше всех разбирался в производстве и применении мочевины? Лебедев, конечно. Так Владимир Васильевич попал в Штаты. В подарок американскому миллионеру он прихватил бутылку водки и банку икры. Потом институтские остряки шутили: Лебедев, дескать, подарил Гарсту столько водки, сколько он не выпил за всю свою жизнь. Отчет Лебедева о поездке очень понравился наверху.

(Окончание на 3-й стр.)

Владимир Васильевич

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

По разным поводам он вывозил и в такие «запретные» страны, как Япония и Италия. Побывал он также в Индии и Румынии. Для такого любознательного человека, как Лебедев, эти поездки были, конечно, крупными событиями, расширяющими его и без того обширный кругозор. Занимался он за границей, между прочим, не только техникой. Там, где позволяли обстоятельства, он охотился за экзотическими насекомыми и редкими бабочками. Однажды в Японии он увидел редчайшую бабочку. Под рукой не было ни сачка, ни чего-то иного - только шляпа. А присела бабочка на комочек грязи посредине внушительной лужи. Лебедев был не один, а с японскими коллегами. Не раздумывая, Лебедев полез в лужу, примерился шляпой, но... тут бабочка взлетала. И все бывшие здесь японцы, не щадя своих ботинок и шляп, бросились ее ловить. Перепачкались, но экземпляр был под общий смех изловлен и составил потом украшение знаменитой коллекции. Если хотите, в этом эпизоде - весь Лебедев.

Главный технолог

Лебедев исполнял свои директорские обязанности добросовестно, даже талантливо (как и все, что он делал), но, видимо, тяготился ими. Он не дорожил этим постом, сыпал заявлениями о отставке своему начальству праеду-матку прямо в глаза, и они, судя по всему, были бы не прочь заменить его. Так что в этом отношении интересы сторон как бы совпадали. В 1963 году такой случай представился.

В партийных кругах возникло желание заменить многолетнего председателя Дзержинского горисполкома А. А. Смирнова. Может быть, этого хотел и сам Смирнов. Бывшего мэра нужно было достойно трудоустроить. Так вот, Владимиру Васильевичу предложили отступить свой пост Смирнову. Лебедев Анатолий Александрович нравился, он считал, что такой многоопытный руководитель и государственный человек отлично сгодиться с директорством в институте. Короче, он согласился. Анатолий Александрович действительно оправдал все возложенные на него надежды. Он был прекрасным директором.

А Лебедеву создали специальную Вот кузнечик ест травинку. Вот стрекоза пожирает какую-то букашку. Вот какой-то жучок сидит на листочке и пьет капельку росы. И так далее. Образовалась целая коллекция таких снимков, рассматривать которые - истинное наслаждение. Шкафы были забиты интересными книгами и вырезками из газет и журналов. У Лебедевых было одна из обширнейших лично-семейных библиотек в городе. Широта его интересов была огромной. Он мог часами рассуждать о кинематографе, и у него всегда можно было получить необходимую вам справку.

И в любое время у Лебедевых жило какое-то животное. Подчас и не одно. Сиамский кот, говорный и сильно ревновавший своих хозяев. Голубой дог-красавец, грозный с виду и добродушнейший по нраву. Черепахи. Помнится, были и перчатки. Часто сотрудники заглядывали к Лебедевым со своими детишками, которым Лебедев охотно демонстрировал свои диковины. Побывать в этом доме было все равно, что побывать на празднике. И это сохранилось до тех пор, пока были живы его хозяева. Дожить до золотой свадьбы считается выдающимся достижением. Елизавета Александровна и Владимир Васильевич прожили вместе 66 лет!

Лебедев за границей

Сегодня поездка за рубеж - рутинное дело. Есть деньги? Отличной! Покупай паспорт, позаботься о визе, приобретай билет и - вперед. В описываемые времена заграничный вояж был выдающимся событием. Косточки кандидата тщательно перемывали в партоме, месткоме, министерстве, КГБ и еще Бог знает где. Особенно если речь шла о поездке в самое логово капитализма. Лебедев не был идеальной кандидатурой из-за своего происхождения «из мещан» и независимости в суждениях. Но он был Богом отмеченным профессионалом, лучше его решить задачу за рубежом никто не мог, и перемывателям косточек, скрепя пеньем и душой, давали сомнительному Лебедеву добро.

В одной из своих поездок в США советский лидер Никита Сергеевич Хрущев встретился с г-ном Гарстом. Этот Гарст был крупным фермером и капиталистом, разводил кукурузу, применяя в качестве удобрения мочевину. У него даже был собственный завод по ее получению. Хозяйство Гарста содержалось в образцовом порядке и приносило ему миллионные доходы. На Хрущева это предприятие да и сам его хозяин произвели большое впечатление. Лидер-романтик решил, что кукуруза может решить наконец-вековую проблему СССР. Гарст предложил Хрущеву прислать ему специалистов, и он им продемонстрирует все свои достижения. Вернувшись из поездки, Хрущев повелел снарядить к Гарсту солидную делегацию из аграриев и специалистов по части мочевины. А кто в СССР лучше всех разбирался в производстве и применении мочевины? Лебедев, конечно. Так Владимир Васильевич попал в Штаты. В подарок американскому миллионеру он прихватил бутылку водки и банку икры. Потом институтские остряки шутили: Лебедев, дескать, подарил Гарсту столько водки, сколько он не выпил за всю свою жизнь. Отчет Лебедева о поездке очень понравился наверху.

1) Поддержание в институте Василия Васильевича Лебедева уходит на пенсию. Не персональную - обычную пенсию размером 132 рубля в месяц. Вот-вот должно было стукнуть 79 лет. Кто еще может похвастать таким стажем?! Он не стал заброшенным ветераном. Его навещали, ему звонили, у него просили совета. Сам он ежедневно с утра поднимал флаг сачок и фотоаппарат и отправлялся в луга, лес, на реку. Ловил бабочек, насекомых, фотографировал сцены из их жизни. За день прошагивал с десяток, а то и больше километров. Активно интересовался жизнью страны и института. По-прежнему взрывался гневом, когда кому-что-то не нравилось. Он даже внешне не очень постарел. Казалось, ему не будет износа.

Ближе к концу жизни стал плохо видеть. От этого стеснялся и избегал встреч со знакомыми: на улице при случайных встречах делал вид, что не узнает. Поняв его игру, и почитатели Лебедева тоже начали его «не узнавать».

В августе 1999 года отметил свое 90-летие. Его пришли поздравить из института. Елизавета Александровна, как это у нее водилось, сварила всех за стол. И тут - невиданное дело! - Лебедев налил себе в хрохотную рюмочку - несколько капель ликера.

Вскоре после этого, ранней осенью, на своей традиционной прогулке он ти спотыкулся, то ли поскользнулся - сломал себе ногу. Он потерял возможность двигаться, а жив он только благодаря движению. 13 октября 1999 года сердце нашего Главного Инженера остановилось. Он умер не от старости, не от болезни. Движение было его жизнью, он умер, как мне кажется, от его остановки. Для института и его ветеранов смерть Лебедева стала настоящим горем. Да и теперь, годы спустя трудно себе представить, что нет на свете Владимира Васильевича Лебедева. Елизавета Александровна пережила его всего на несколько месяцев.

И. ФЕЛЬДШТЕЙН.

6) Создание вместе с Н.А. Гольдбергом, Б.П. Мельниковым и другими сотрудниками новой мощной отрасли химической промышленности СССР - производства мочевины с суммарной мощностью около 10 млн. тонн в год.

При этом надо сказать, что его выдающиеся заслуги не были достаточно отмечены. Он не получил ни одного ордена. Медаль «За трудовую доблесть», конечно же, никак не соответствует его заслугам. Он не получил никакой научной степени, хотя по достигнутым научным результатам вполне мог быть удостоен звания доктора без защиты диссертации.

Под конец жизни, дабы обеспечить ему персональную пенсию, филиал стал хлопотать о присуждении ему звания «Заслуженный изобретатель РСФСР». Так вот, автору 39 изобретений было в этом отказано. Кем? Страна должна знать своих героев. Бумагу с отказом подписал председатель Горьковского обкома профсоюзов В.Н. Орлов. Как написано в бумаге, В.В. Лебедеву было отказано **«в связи с... прекращением активной творческой деятельности в последние пять лет».** Эта бумага была подписана в мае 1987 года, когда Лебедеву было уже 78 лет. Какую еще, черт их побери, «творческую активность» хотели от сражуть профсоюзные чинуши в человека такого возраста?!

Закат

В марте 1983 года Владимир Васильевич Лебедев уходит на пенсию. Не персональную - обычную пенсию размером 132 рубля в месяц. Вот-вот должно было стукнуть 79 лет. Кто еще может похвастать таким стажем?! Он не стал заброшенным ветераном. Его навещали, ему звонили, у него просили совета. Сам он ежедневно с утра поднимал флаг сачок и фотоаппарат и отправлялся в луга, лес, на реку. Ловил бабочек, насекомых, фотографировал сцены из их жизни. За день прошагивал с десяток, а то и больше километров. Активно интересовался жизнью страны и института. По-прежнему взрывался гневом, когда кому-что-то не нравилось. Он даже внешне не очень постарел. Казалось, ему не будет износа.

Ближе к концу жизни стал плохо видеть. От этого стеснялся и избегал встреч со знакомыми: на улице при случайных встречах делал вид, что не узнает. Поняв его игру, и почитатели Лебедева тоже начали его «не узнавать».

В августе 1999 года отметил свое 90-летие. Его пришли поздравить из института. Елизавета Александровна, как это у нее водилось, сварила всех за стол. И тут - невиданное дело! - Лебедев налил себе в хрохотную рюмочку - несколько капель ликера.

Вскоре после этого, ранней осенью, на своей традиционной прогулке он ти спотыкулся, то ли поскользнулся - сломал себе ногу. Он потерял возможность двигаться, а жив он только благодаря движению. 13 октября 1999 года сердце нашего Главного Инженера остановилось. Он умер не от старости, не от болезни. Движение было его жизнью, он умер, как мне кажется, от его остановки. Для института и его ветеранов смерть Лебедева стала настоящим горем. Да и теперь, годы спустя трудно себе представить, что нет на свете Владимира Васильевича Лебедева. Елизавета Александровна пережила его всего на несколько месяцев.

И. ФЕЛЬДШТЕЙН.